

О. П. Власова

Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту
імені академіка В. Лазаряна

СТЕРЕОТИП «НЕЗАМЕТНОЙ ЖЕНЩИНЫ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНЫ

Прозаїзовано соціокультурні аспекти теми «жінка і політика» в поліфонічному культурному дискурсі сучасної України.

Ключові слова: політичне партнерство, стереотипні уявлення, жінка і влада, національні нарративи, політичні міфи, європейські цінності.

Прозаїзованы социокультурные аспекты темы «женщина и политика» в полифоническом культурном дискурсе современной Украины.

Ключевые слова: политическое партнерство, стереотипные представления, женщина и власть, национальные нарративы, политические мифы, европейские ценности.

The socio-cultural aspects of the theme «woman and politics» are under the analysis with the focus on the polyphonic cultural discourse of today's Ukraine.

Keywords: political partnership, stereotypes, woman and power, national narratives, political myths, European values.

За последние годы многие исследователи гендера и теоретики феминизма не раз пытались противостоять господствующим гендерным стереотипам и оспорить их валидность [1]. Зачастую ученые также отмечали возникновение новых стереотипов, например, в исследовании темы «женщины и политика» [6]. Как утверждается, одной из основных задач, стоявших в 90-е гг. перед работами, посвященными анализу гендера в культуре и политике, была необходимость бросить вызов почти полной незаметности женщин в эмпирическом каноне философской и политической науки.

Исследователи темы «женщины и политика» пытались сделать заметными не только отдельных женщин, но и представить их как организованную политическую силу (Дж. Киркпатрик, Р. Клатч, Дж. Фриман и др.). В то же время нельзя не отметить, что и в начале III тысячелетия общественное сознание в нашей стране еще с трудом воспринимает идею политического партнерства мужчин и женщин: вопрос о подлинном равенстве полов в Украине все еще остается открытым. Женщины Украины традиционно слабо представлены в законодательных органах в целом, занимают крайне слабые позиции в общественно-политической сфере, например, правительство изначально считается у нас мужской вотчиной. Стереотипный портрет женщин представляет их аполитичными или политически неполноценными. Считается, что их политическая эффективность низка, а их система убеждений лишена концептуальной аргументации. В стереотипном представлении женщины «персонализируют» политику, обращая больше внимание на личности, чем на обсуждаемые вопросы. Утверждается, что они реже мужчин участвуют в выборах, а если голосуют, то склонны полагаться на мужей и голосовать, как они. В своих работах ученые-феминисты показали, что такой политический портрет женщин базируется на исследованиях, изобилующих непроверенными предположениями и методологическими ошибками [5]. В то же время анализ политического участия женщин выявил безусловное влияние образования на политическую активность женщин. Выяснилось также, что работающие вне дома женщины активны в той же мере, что и мужчины. Те же женщины, которые полностью заняты домашней работой, участвуют в политике в значительно меньшей степени [4]. Но разве не относится все вышеупомянутое в равной мере и к мужчинам?

Подвергая женщин и их опыт политическому анализу, ученые утверждают, что проблема в противопоставлении публичной и частной сфер жизни, пробле-

ма в знакомом всем образе «общественного» мужчины и «домашней» женщины. В то же время история стран, избравших своими лидерами женщин, свидетельствует, что благодаря их правлению удалось добиться огромных успехов и избежать многих несчастий и политических катастроф. Как известно, долгие десятилетия успешно правили Великобританией такие женщины, как Елизавета I (45 лет), королева Виктория (64 года); Россией – Екатерина Великая (34 года), Елизавета Петровна (20 лет), Анна Иоанновна (10 лет); Францией – Екатерина Медичи (20 лет), Анна Австрийская (18 лет) и т. д.

В то же время интересно отметить, что ни эти великие правительницы, ни современные женщины – главы государств – не были «феминистами» и не являются ими. Интересным примером может быть Маргарет Тэтчер, пятнадцать лет пребывавшая на посту лидера консервативной партии и одиннадцать лет – на посту премьер-министра Великобритании. Следует вспомнить, что к власти она пришла на подъеме женского движения во всем мире в 70-х годах прошлого века. Нарушив вековую мужскую гегемонию партийного лидерства, в год, объявленный ООН Годом женщины и началом Десятилетия женщины, консерваторы показали, что они не чуждаются «ветра перемен». В то же время, как и многие другие видные государственные деятели, М. Тэтчер никогда не была членом женской организации. С самого начала Тэтчер строила свою карьеру, подчиняясь всем правилам общей политической игры. Она, как известно, очень гордилась тем, что пришла на высший пост в правительстве, соперничая с мужчинами на равных. Феминистки критиковали ее за то, что за одиннадцать лет своего пребывания у власти она не предприняла ничего специфического в интересах женщин, лишь однажды на протяжении короткого времени женщина была членом ее кабинета [3, с. 234]. Безусловно, одиннадцатилетнее пребывание М. Тэтчер на посту премьер-министра было выдающимся событием, повлиявшим на отношение британцев к проблеме «женщина и власть». Однако оно не сопровождалось существенными переменами в глубоко укоренившейся патриархальной культуре «самой консервативной» партии, которую Тэтчер возглавляла.

Все вышесказанное относится к нашим недавним политическим событиям в полной мере, недаром Ю. В. Тимошенко называют «Леди Ю.», – аналогии «железной леди» не подлежат сомнению. Ю. В. Тимошенко никоим образом не способствовала повышению активности женщин в партии «Батьківщина», ни как не повлияла на парламентское представительство женщин или на их участие в работе Кабинета Министров, который она возглавляла.

Как известно, парламентское представительство женщин в нашей стране остается стабильно низким. Проблема в том, что содержание и форма реальных прав и возможностей женщин зависит, прежде всего, от общих социально-экономических условий, уровня имеющихся материальных благ, доходов женщин, финансового положения их семей, то есть положение женщин в политике зависит напрямую от их положения в мире финансов. Законодательное закрепление равноправия женщин, имеющее место в нашей стране, произошло в результате общих либеральных тенденций западных демократий, оно было «дано сверху», причем, дано формально, не являлось результатом практической активности общественных организаций или политических партий. Исследователи подчеркивают: для дальнейшего развития демократии требуется постоянное внимание и давление общественного мнения на государственные органы, политические партии, профсоюзы и другие общественные организации, что в наших условиях, как известно, оставляет желать лучшего.

Более того, формальная гендерная демократия в русле евроинтеграционных процессов с первых же лет независимой Украины идет в противовес с теми тенденциями, которые так или иначе проявляются в идеологии и политике. Например, О. Кись в своих работах указывает на четыре основных нарратива, господствующие в современной украинской культуре: нарративы о Березине, о Великой Женщине, о Национальном Феминизме, о Женской Доле [3].

В контексте данной статьи интересно отметить, что концепт Березины возник в украинском культурном дискурсе в конце 80-х – начале 90-х годов на подъеме национализма, отражая идею «непреходящего матриархального характера гендер

отношений в традиционной украинской семье» [3, с. 157]. Но важно то, что, презентуя как часть новой национальной мифологии, концепт Берегини очень скоро презерватился в составляющую официального украинского государственного дискурса. Как справедливо отмечают многие аналитики гендера, этот нарратив не только был «запущен в оборот» с патриархатной идеологической нагрузкой. Циркулируя в риторике политических деятелей, он способствовал легитимации многих идеологических представлений о гендерных отношениях в украинском обществе. Дискуссия о гендерной проблематике, многие украинские политики выстраивают свои аргументы по типичной схеме с основным тезисом о том, что статус женщины в семье является основным показателем «прогрессивности общества».

Следует заметить, что создание и продвижение политических мифов в постсоветское время становится одним из наиболее эффективных каналов конструирования различных социальных идей. В определенной степени «Леди Ю.» – это политический миф, главным пафосом которого является утверждение об особости и неадаптивности украинского экс-премьера. Возвращаясь к созданию новых дискурсов в начале 90-х гг., хотелось бы напомнить, что в то время и в Украине, и в России многие авторы настойчиво апеллировали к традиционным гендерным ролям (церковь, прежде всего). Как известно, противостояние разнонаправленным гендерным дискурсам поставило власть перед необходимостью выбора одного из них. Выбор, как уже отмечалось, был сделан в логике «европейских ценностей», полагающей гендерное равноправие в качестве обязательного условия успешного функционирования современной демократии.

Но действительного построения нового гендерного порядка не произошло. Политико-правовые институты, доставшиеся от позднесоветской системы и адаптированные в постсоветский период, гендерно чувствительными не являются. В западных странах, где проводится *de facto* государственная политика равных возможностей, где мужчины и женщины получают равный доступ к политическим ресурсам, проблема «гендерного разрыва» либо утрачивает актуальность, либо получает иной смысл (на примере стран Скандинавии). В нашей стране женщина в политике по-прежнему «незаметна», находясь во втором (или в третьем) эшелоне политических фигур. Таким образом, по-прежнему остается актуальным призыв либерального феминизма к бюрократическому аппарату государства и корпоративных структур интегрировать женщин в общественную сферу через программы, требующие равных возможностей и позитивных действий, то есть это надежды на государство, на власть. И хотя многие признанные западные теоретики феминизма доказывают, что образ автономного индивида – это мужская конструкция и женщина всегда была ограничена в свободе своим взаимоотношением с мужчиной, экономической зависимостью от него [7], многие политики гендерного направления считают, что присутствие женщин на официальной политической арене необходимо. Парадокс в том, что они должны выйти на эту арену, чтобы добиться равенства, но они не смогут быть активными акторами на этой арене, не добившись равенства. Именно здесь необходима помощь государства: нужно бросить вызов почти полной незаметности женщин в украинском политическом дискурсе, показывая их присутствие среди официальных должностных лиц и активистов женских движений. Официальный дискурс должен показать, что женщина-политик существует (и здесь не имеется в виду единственная «мифическая женщина»). Украинские женщины в такой же степени, как и мужчины, склонны к политической деятельности, и хотя женское движение «пробуксовывает» на пути к гендерному равенству в политических институтах, очевидно, что другого пути нет, – необходимы коллективные усилия женщин, направленные на то, чтобы оказывать влияние как на процесс «принятия решений» в целом, так и на процесс формирования украинской политики.

Бibliографические ссылки

1. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии / Т. И. Власова. – К. : Генеза, 2006. – 286 с.

2. **Кись О. Р.** Проблемы (ре)конструкции истории женщины в Украине: акторы, авторы, нарративы / О. Р. Кись // Гендерное равноправие в России. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 155–162.
3. **Степанова Н. М.** Культура гендерных отношений в политических партиях и в парламенте Великобритании / Н. М. Степанова // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб. : Алетейя, 2004. – 992 с.
4. **Andersen K.** Working Women and Political Participation. 1952–1972 / K. Andersen // American Journal of Political Science. – 1975. – № 19 – P. 439–453.
5. **Bourque S.** Politics as Unnatural Practice: Political Science Looks at Female Participation / S. Bourque, J. Grosshaltz // Politics and Society. – 1974. – № 4. – P. 225–266.
6. **Carroll S.** Feminist Challenge to Political Science / S. Carroll, L. Zerelli // Political Science: the State of the Discipline. – Washington DC: American Political Science Association, 1993. – P. 55–76.
7. **Pateman C.** Contract and Ideology: A Reply to Coole / C. Pateman // Politics. – № 10. – 1980. – P. 30–32.

Надійшла до редколегії 17.01.11

УДК 1(91)

І. С. Глущенко

Слов'янський державний педагогічний університет

ФОРМУВАННЯ І СТАНОВЛЕННЯ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОЇ ТЕОРІЇ ДМИТРА ДОНЦОВА

Обґрунтовано, що Д. Донцов виявляє себе романтиком, який прагне виховати «лицарів абсурду». Стає очевидним, що філософ у своїх працях головне бачить в принципових наголосах і стилі викладу, а не в стрункості концепції. Донцов розглядає екзистенцію як цілої нації, так і кожного учасника боротьби. Головне в його філософії – людина волі, характеру і героїки, базою якої є ірраціоналізм.

Ключові слова: ірраціоналізм, героїка, воля, екзистенціалізм, романтик, романтика.

Обосновано, что Д. Донцов проявляет себя как романтик, который стремится воспитать плеяду «рыцарей абсурда». Становится очевидным, что философ в своих трудах главное видит в принципиальных акцентах и стиле изложения, а не в стройности концепции. Донцов рассматривает с точки зрения экзистенции как целую нацию, так и каждого участника борьбы. Главное в его философии – человек воли, характера и героики, базой которой является иррационализм.

Ключевые слова: иррационализм, героика, воля, экзистенциализм, романтик, романтика.

As a philosopher D. Dontsov reveal himself as a romanticist who tries to educate «the knights of absurd». It becomes obvious that D. Dontsov is more inclined to emphasize the principle ideas and messages than to fit up a whole conception. The thinker considers the existence of the whole nation as well as the existential content of every participant of the struggle. The most essential for him becomes the man of will, characters and heroism, who derives from irrational force.

Keywords: irrationalism, heroism, will, existentialism, romanticist, romanticism.

Насамперед Д. Донцова цікавить ґносеологічне питання: чи індивідуум доступне пізнання буття? Д. Донцов вважає, що за допомогою емпіризму та раціоналізму людина здатна пізнати лише матеріальне буття. А сутність нематеріальну людина пізнає ірраціонально, користуючись двома способами пізнання: чуттєвим і надприродним [1, с. 4].

Діяльність Д. Донцова значною мірою вплинула на подальший розвиток української соціально-філософської думки. Мислитель розкрився як талановитий теоретик української державності, філософ, соціолог та політик.